

СТЕПАНЕНКО А.В.
(з. Київ)

«КИЕВСКИЙ ПОЧИН» о. ПЕТРА ЛЕБЕДИНЦЕВА: ПОПЫТКА МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Манифест 1857 г., обозначивший начало подготовки реформы по освобождению крестьян, вывел крестьянский вопрос в центр тревог Российской империи, превратив организацию сельских начальных школ в одну из самых «популярных и модных» насущных проблем¹. Этот вопрос активно обсуждался в прессе, вызвал бурное участие представителей всех сословий, решая, нужна ли крестьянам грамотность вообще, и, если нужна, то, в каком виде и т.п. Правительство, в свою очередь, рассматривало начальное образование крестьян в качестве наиболее удачного способа для успешной интеграции бывших крепостных во внутреннеполитическую структуру государства.

Эти процессы характерны и для губерний Юго-Западного края (Киевской, Подольской и Волынской), но с некоторыми особенностями, среди которых обратим здесь внимание на одну: активизацию поляков и католической церкви в деле образования крестьян с целью сохранения своего культурного господства². На этом фоне открытием сельских школ в своих имениях занялись польские помещики, не проявлявшие до этого времени значительной активности в данном процессе³.

В то же время, с началом подготовки реформы 1861 г. и популяризацией вопроса об обучении крестьян, последние стали на Правобережье полноценным объектом имперской культурной интеграционной политики, давно проводившейся по отношению к другим сословиям региона⁴. Действия Киевского генерал-губернатора И.И. Васильчикова в этом направлении подстегивала также срочная необходимость пресечь польскую инициативу в данном вопросе. Первым конкретным шагом местной власти стало высказанное Васильчиковым в 1860 г. предложение передать начальное обучение крестьян региона православным приходским священникам. Эта идея, получив полную поддержку и одобрение центральной власти, была в 1862 г. узаконена, вменив в обязанность приходскому духовенству Юго-Западных губерний своими силами организовывать открытие церковно-приходских школ.

Отметим, что Киевский генерал-губернатор не был пионером в организации церковно-приходского образования. В течение первой половины 19 ст. властью неоднократно предпринимались попытки (указы 1805, 1807, 1836, 1837, 1840 гг.) возложить на сельское православное духовенство заботу об образовании крестьян. Согласно Уставу духовных консисторий 1841 г., епархиальным архиереям уже вменялось в обязанность привлекать приходское духовенство к организации элементарного образования крестьян в рамках правил для обучения в приходских училищах, утвержденных в 1828 г.

Но подобные попытки правительства оставались unsuccessfulными – они приводили лишь к кратковременным всплескам активности в годы изданий соответствующих распоряжений⁵. Основные причины, указываемые членами приходских причтов – противодействие поляков-помещиков, недостаток специальных средств и поддержки местной администрации, а также отсутствие взаиморасположения между пастырями и прихожанами⁶. Добавим, что низкий

уровень образованности, а иногда и полная безграмотность⁷, самого сельского духовенства был в то время общепризнанной проблемой – её решением занимались на государственном уровне⁸. Кроме того, для многих батюшек был характерным формализм, выражающийся, прежде всего, в безразличном и потребительском отношении к прихожанам. Последний аспект чрезвычайно усилился с 1843 г., когда на Правобережной Украине начал вводиться в действие указ 1842 г., вменивший в обязанность крестьянам региона обработку церковной земли и устройство причтовых домов⁹.

Таким образом, имея неудовлетворительный опыт прошлых лет и лично не испытывая стопроцентной уверенности в уместности сельского приходского духовенства в данной области¹⁰, местный генерал-губернатор, тем не менее, в конце 1850-х гг. не имел других вариантов. В его распоряжении не было достаточных материальных и человеческих ресурсов.

Перед Васильчиковым встала необходимость практического подтверждения собственной идеи. За положительными примерами он обратился к местной церковной администрации, что привело к ожидаемому результату – князь получил прекрасный образец, которым явились церковно-приходские школы м. Белая Церковь, открытые в конце 1859–1860 гг. местным священником П.Лебединцевым.

Данные школы примечательны прежде всего тем, что с середины XIX ст. и по сей день признаются церковной историографией «предвестницами» всех последующих церковно-приходских школ не только в Юго-Западном крае, но и во всей Российской империи¹¹. Претенциозность подобной трактовки, тем не менее, в некоторой степени оправдана – они действительно сыграли на рубеже 1859–1860 гг. существенную роль в организации начального образования крестьян Правобережной Украины. Мы считаем, что означенная просветительская деятельность о.Лебединцева, не являясь типичной для сельского духовенства региона, была из разряда заказных и образцово-показательных. Лебединцевские церковные школы выступили в качестве своеобразных «потемкинских деревень», проиллюстрировав несуществующие возможности и, главное, желание! сельских священников успешно выполнять предложенную им властью роль народных просветителей. В дальнейшем, местная гражданская и церковная власть воспользовалась ими в качестве примера для обязательного подражания.

Таким образом, священник Лебединцев и организованные им сельские начальные школы были использованы местной светской и церковной властью в качестве необходимого *примера*. Правомерным ли было такое использование? На наш взгляд, повторим, они являли собою скорее *феномен* как следствие ряда субъективных и объективных причин, анализ которых представлен в предложенной статье¹².

Научный анализ круга вопросов, связанных с процессом становления и развития образования в целом, а также начального образования крестьян в частности, в Правобережной Украине в начале второй половины XIX ст. представлен в работах Д.Бовуа, В.Шандры, Н.Полищука, С.Стельмаха¹³. Исследователи рассматривают имперскую школьную политику в регионе как часть национальной, главной задачей которой в конце 1850-х – начале 1860-х гг. был подрыв влияния польских помещиков и католического духовенства на местное население, изоляция его посредством открытия народных школ от антиправительственной пропаганды. В этом ключе, не касаясь частностей истории

белоцерковських шкіл, розглядається ініціатива київського генерал-губернатора І.І.Васильчикова про привертання приходського духовенства краю до освітнього процесу. Однак детальне освітлення просвітительської діяльності приходського духовенства, а тим більше, окремих його представників, не було задачею даних наукових досліджень.

Досліджуємою нами епізодом з просвітительської діяльності П.Лебединцева досить широко освітлено в церковній публіцистиці в формі своєобразного міфу про «київський почин». Він оформився на початку 1860-х рр. в процесі дискусії, розгорнутої між церковним керівництвом (*церковно-приходські школи*) і міністерством народної освіти (*народні* або *міністерські школи*) в ході боротьби за пріоритет у організації початкової освіти селян. Не вдаючись до глибокого аналізу цієї боротьби, котрою передбачається проведення спеціального дослідження, зауважимо, що «змагання і суперечки» за цю справу велися обома сторонами в обстановці «запальності і подразнення» понад 10 років¹⁴. Найбільш активну участь в цій боротьбі брали київський митрополит Арсеній (Москвін) і його перший помічник по єпархії «всесильний» о. Петро Лебединцев¹⁵. Перу останнього, в основному, належить даний міф, тим більше що він оснований на реальних подіях, де одним з головних героїв був сам автор. Розмова йде про відкриття в м. Біла Церква Васильківського повіту Київської губернії в кінці 1859 – початку 1860 рр. чотирьох церковно-приходських шкіл для початкової освіти селянських дітей.

Характер, тон і зміст даної публікації, побачивши світ в 1864 р. на сторінках «Київських єпархіальних вісників», говорить про те, що автор переследував певну мету – довести пріоритет духовного відомства в організації сільських шкіл в південно-західній частині країни і в м. Біла Церква зокрема¹⁶. Під враженням даного бажання і виникнув досліджуємою нами міф, суть якого зводиться до наступного. «Первопочаткова думка про школи для простого народу належала Санкт-Петербурзькому митрополиту Ісидору. Переглядаючи Київську єпархію в травні-червні 1859 р., Ісидор помітив загальне сприятливе для організації народних шкіл настроєння і брак підприємливості в сільському духовенстві і вирішив перенести почин цього доброго справи на єпархіальне керівництво. (...) Першими церковно-приходськими школами в єпархії відкритими на виконання наказу Ісидора – були школи в м. Білої Церкви (*відкриті П.Лебединцевим – А.С.*) (...) – попередники всіх існуючих в даний час в імперії церковно-приходських шкіл»¹⁷. Со згодом перераховані вище обставини з допомогою апологетів церковного пріоритету в справі освіти селян (або мовою того часу «народної освіти») набули легендарних рис, в такому вигляді збереглися до сучасного часу і перенесені з публіцистики на сторінки наукових монографій¹⁸.

Згодом роль Петра Лебединцева в цій історії помітно зросла. Так, читаємо в публіцистичному виданні 2008 р.: «Коли стало зрозумілим, що кріпацтво доживає останні роки, білоцерківський священник оголосив у церкві про майбутнє відкриття першої школи для селянських дітей (...) Білоцерківський приклад парафіяльної освіти мав далекосяжні наслідки. о.Петро повідомив про свій досвід Київського митрополита і останній став вимагати відкриття церковних шкіл від священників Київщини. Генерал-губернатор повідомив про цей приклад в Санкт-Петербург та архієреям Російської імперії – і шкільний рух поширився по всій величезній державі. Наставники

церковних шкіл 1/6 частини суші ще довго з вдячністю згадували білоцерківського пастиря о. Петра Лебединцева¹⁹.

Таким образом, обстоятельства открытия церковных начальных школ для крестьян в м. Белой Церкви в 1859 г., равно как и деятельность в этом направлении местного священника П. Лебединцева еще не становились предметом научного анализа.

Отметим, что все действующие лица данного исследования – и генерал-губернатор Васильчиков, и Киевский митрополит Исидор, и священник Лебединцев, и центральная власть – в своей деятельности по организации элементарного образования крестьян руководствовались, в том числе и гуманистическими побуждениями. А возникшие школы были естественно благим начинанием, предполагая обучить грамоте представителей униженного и бесправного сословия, осуществляя это в русле воспитания православной морали. Но в данной статье мы не затрагиваем этот аспект, а акцентируем внимание на том, что данные школы и деятельность означенных светских и духовных лиц были частью имперской интеграционной политики в Правобережной Украине, направленной, прежде всего, на распространение и укрепление российского присутствия²⁰.

«Приходскими» или «народными» в данном исследовании названы все начальные школы для обучения крестьян, организованные светскими ведомствами. «Церковно-приходскими» или «церковными» мы называем школы, создаваемые православным духовенством. Добавим также, что в статье рассматриваются начальные школы в помещичьих имениях – информация касательно казенных имений и военных поселений подается иллюстративно.

К середине XIX в. крестьяне Юго-Западного края (Киевской, Подольской и Волынской губерний) уже традиционно были объектом борьбы за влияние между поляками и русскими, католиками и православными²¹. И также традиционно среди основных мер, предпринимаемых в этой борьбе, были попытки организации их начального образования посредством создания приходских школ, где главным акцентом были язык преподавания (польский или русский) и конфессиональная направленность (католическая или православная).

Так, например, крестьяне Волынского и Украинского школьных округов были в конце 70-х гг. 18 в. введены в орбиту деятельности польской Эдукационной комиссии, которая в стремлении создания системы государственного образования как средства реанимации политического могущества Речи Посполитой, взялась заводить здесь приходские польскоязычные элементарные школы, запретив при этом практически такие же, но «руські»²². Позднее, потеряв политическое и конфессиональное господство в регионе с присоединением его к Российской империи, польско-католические силы не оставили идею использования начального образования как способа сохранения влияний в крае. Тем более что этому способствовала лояльная политика российского имперского правительства, проводимая тут до 1831 г.²³ Заводимые поляками приходские школы для обучения крестьян продолжили свое существование в общей образовательной системе, созданной в традициях прежней Эдукационной комиссии²⁴.

Отметим, что подобные попытки предпринимались в обстановке, когда обучение грамоте крепостных считалось скорее экзотическим явлением. Польские землевладельцы, за редкими исключениями, в принципе не видели необходимости в просвещении и обучении крестьян, и традиционно были «убеждены в их умственной неполноценности»²⁵. Это повлияло на специфику процесса, характерную для первой половины 19 ст. – приходским образованием

в регионе были охвачены, прежде всего, крестьяне казенных имений и военных поселений²⁶.

С приобретением Правобережной Украины российское имперское правительство предпринимало определенные попытки введения государственного контроля над приходскими школами, стремясь ввести их в общеимперскую систему русскоязычного образования, которая как раз в этот период, с учреждением специального министерства (1802 г.), переживала активный процесс становления. Но в условиях сохраняющегося в крае сильного польско-католического влияния, не располагая здесь собственными достаточными материальными и профессиональными ресурсами, правительство практически не вмешивалось в деятельность тут польскоязычных начальных школ в течение всей первой трети 19 ст.

Ситуация резко изменилась после Ноябрьского восстания 1831 г., когда образование стало в регионе частью интеграционной политики как средство, способствующее распространению господствующей идеологии и формированию единого имперского информационного пространства²⁷. Правительство постепенно, посредством деятельности местных генерал-губернаторов, запретило существование приходских школ, содержащихся поляками. Причем имеются в виду приходские школы всех типов: и те, что входили в общую систему образования в качестве нижней её ступени, и основанные католической и греко-католической церковью, и, наконец, редкие школы, открываемые в помещичьих имениях. С этого периода «(...)вся деятельность гражданских властей, особенно полиции, направлена на то, чтобы не допустить чего-либо польского в обучении крестьян. (...) Школы продолжают существовать, когда не обнаружено, что там обучают по-польски, в противном случае их безжалостно закрывают»²⁸. Таким образом, после 1831 г., интерес поляков региона к начальному народному образованию значительно угас, появившись вновь уже в конце первой половины 19 ст.

Всплеск общественного и правительственного внимания к крестьянскому сословию в Российской империи конца 1850-х гг. вылился, кроме прочего, в поиск оптимального способа интеграции бывших крепостных в общеимперскую внутреннеполитическую и общественно-социальную структуру. В Правобережных губерниях подобный процесс приобрел особую политическую остроту – тут поляки активно ухватились за возможность подчинить крестьян своему влиянию посредством организации начальных школ. Киевский генерал-губернатор, в то же время, не мог допустить, чтобы инициатива в подобном актуальнейшем на тот момент деле была не в руках местной администрации²⁹.

Совмещая до 1856 г. должности Киевского генерал-губернатора и попечителя учебного округа, Васильчиков понимал, что в подведомственном ему регионе не было достаточного количества образованных и надежных русскоязычных учителей, могущих взять на себя заботу о начальном образовании крестьян и которых можно было бы противопоставить полякам³⁰. В условиях либерального царствования и при пристальном внимании общественности к крестьянскому вопросу, Васильчиков не мог запретить учительскую деятельность поляков, никого не предоставив им взамен. В процессе поиска решения такого острого политического вопроса возникло предположение Васильчикова о привлечении православного приходского духовенства к решению ставшего злободневным вопроса о школах для крестьян.

Но прежде, чем преподнести свою инициативу августейшему вниманию, Васильчиков решил заручиться поддержкой Киевского митрополита и получить

подтверждение жизнеспособности своей идеи. Тем более, что, признавая необходимость обратиться к содействию сельского приходского духовенства края, генерал-губернатор, тем не менее, выказывал беспокойство о невысоком образовательном и нравственном уровне значительной части его представителей³¹. Ограничившись здесь самым этим фактом беспокойства, отметим, что вопрос о причинах такого недоверия к сельскому приходскому клиру, выраженного, прежде всего, в сомнениях в благонадежности, требует отдельного исследования.

Таким образом, в секретном отношении генерал-губернатора, с которым он обратился 1 мая 1859 г. к киевскому митрополиту Исидору (Никольскому) речь не шла о призыве духовенства к организации начальных школ в помещичьих имениях. Васильчиков лишь, выражая убежденность в ненадежности учителей, работающих в уже открываемых помещиками школах, которыми были «большеею частью поляки из местной шляхты», предложил эту роль сельским священникам. Главной задачей последних в этом деле, по мнению Васильчикова, должно было стать воспитание прихожанских детей в духе православия. Таким образом, по получении от руководства епархии подтверждения «готовности (...) содействовать [видам] правительства в развитии народного образования», местная власть смогла бы, «запрещая помещикам назначать на учительские места поляков, указать вместе с тем на лиц из сельского духовенства»³². Как видим, на данном этапе генерал-губернатор не намеревался превратить сельских священников в педагогов и организаторов школьного дела – скорее всего, призыв духовенства был задуман в качестве временной меры.

Ответ митрополита Исидора (занимавшего в то время чуть более года Киевскую кафедру) на тайное обращение генерал-губернатора оправдал ожидания последнего и даже превзошел их. Согласно действующему законодательству, регламентирующему его деятельность на посту главы епархии, он был обязан привлекать духовенство к участию в начальном образовании прихожан. Причем в более широких, чем предложенные генерал-губернатором, рамках – в Уставе духовных консисторий 1841 г. речь идет об обязанности сельских священников не просто принимать участие в обучении крестьян в уже существующих школах, а самим организовывать открытие и работу последних. Архиерей 31 августа 1859 г. выдал подведомственному духовенству распоряжение, которое, демонстрируя «готовность содействовать правительству», преследовало цель вновь активизировать в создавшихся обстоятельствах (предреформенного ажиотажа и польско-католической инициативы) выполнение прежних правительственных распоряжений.

Обратившись к приходскому духовенству, владыка призвал «по-возможности» заводить училища там, где этого еще не сделано. Причем, учитывая прежний неудачный опыт подобных призывов и в расчете на получение необходимого удовлетворительного результата, архиерей в данном распоряжении постарался заинтересовать подведомственных священнослужителей, обещая награды за рвение и намекая на немилость в случае пассивности³³.

Усомнимся в правомерности утверждения исследователя данного вопроса В.Перервы, что глава епархии сделал это распоряжение «не вдаваясь в политические тонкости»³⁴. Будучи новым человеком в Киевской митрополии, владыка был отнюдь не новичком на присоединенных к империи территориях – с 1837 по 1844 г. преосвященный возглавлял Полоцкую, а затем Могилевскую епархии, где, среди значительного греко-католического присутствия, успешно

занимався укреплением позиций государственной религии, активно взаимодействуя со светской властью и проявив себя «мудрым политиком»³⁵. Позднее, будучи с 1844 г. назначенным экзархом Грузии, Исидор, кроме прочего, следовал личной инструкции императора по поводу сношения с армяно-григорианским духовенством: поддержание «самых лучших отношений с армяно-григорианским патриархом, как с лицом известным правительству и благоприятным для православного клира». Николай I выражал надежду, что Исидор сделает все, чтобы установить между православным грузинским и армяно-григорианским духовенством самые «благоприятные» отношения»³⁶.

Таким образом, владыка Исидор, на наш взгляд, был хорошо осведомлен в политических вопросах. Кроме того, будучи назначаемыми на епархии лично императорами, архиереи в большой мере являлись в регионах исполнителями центральной власти в области церковных вопросов³⁷.

На означенное распоряжение епархиального руководства сельские священники отреагировали очередной волной активизации церковно-приходского образования и рапортовали об открытии в течение ноября-декабря 1859 г., по меньшей мере, 11 школ³⁸. Представил свой отчет и благочинный приход м. Белая Церковь о.Петр Гаврилович Лебединцев, который по получении распоряжения руководства организовал в эти же сроки не одну, а целых 3 церковно-приходские школы³⁹. Через митрополита сведения об этом поступили к генерал-губернатору⁴⁰.

Васильчиков отнесся чрезвычайно внимательно именно к белоцерковским школам, о чем говорит тот факт, что он, прежде всего, проверил достоверность их существования. Убедившись, князь постарался привлечь к ним как можно более широкое внимание общественности. Он направил белоцерковскому священнику 100 руб. серебром из средств, выделенных из казны для поощрения людей, «отличившихся в крае полезной деятельностью», а также предпринял меры, чтобы о просветительской деятельности о.Петра узнали священники Киевской, Волынской и Подольской епархий.

В своем отчете о состоянии Юго-Западного края за 1859 г., представленном императору в феврале 1860 г., генерал-губернатор уверенно поместил, кроме прочего, также и сведения о сельских школах. Причем тут наблюдается некоторая трансформация взглядов Васильчикова на роль приходского клира в деле начального обучения крестьян. В данном отчете глава юго-западного края предложил, в отличие от приведенного выше документа 1859 г., передать приходское образование полностью в ведение православных священников⁴¹. Лебединцевским школам здесь было уделено особое внимание, что произвело на императора должное впечатление, выраженное в резолюции «Весьма желательно, чтобы духовенство и в других губерниях тому содействовало»⁴².

Таким образом, предложение Васильчикова о привлечении сельского духовенства к делу образования крестьян было высочайше одобрено. После рассмотрения на заседании Западного комитета по вопросам, относящимся к Юго-Западным и Западным губерниям, проведенном с участием обер-прокурора синода, было принято решение о немедленном принятии в регионе мер для организации начальных сельских школ для крестьян посредством деятельности православного духовенства, и об обязательном контроле со стороны властей⁴³. Данное решение Комитета было утверждено императором, о чем

генерал-губернатор сообщил местной церковной власти 2 мая 1860 г.⁴⁴ После этого митрополит Исидор, а за ним и архиереи Волынской и Подольской епархий начали в обязательном порядке требовать заведения школ от причта каждого прихода. Причем как пример для подражания предлагалась деятельность священника Петра Лебединцева⁴⁵.

Итак, как было указано выше, священник Лебединцев и организованные им сельские начальные школы были в 1859–1860 гг. использованы и разрекламированы в качестве *примера*, демонстрирующего желание и возможности приходского духовенства Киевской епархии заняться организацией сельских школ. Полагаем, что в данном контексте они являли собою скорее *исключение из правил (или феномен)*, чему был ряд субъективных и объективных причин. К первым мы относим личность о.Петра, ко вторым – местные обстоятельства, при которых открыты были белоцерковские школы.

Прежде всего, обратим внимание на то, что священника м. Белая Церковь, впоследствии Киево-Софийского кафедрального протоиерея, Петра Гавриловича Лебединцева, нельзя назвать типичным представителем сельского приходского духовенства. Это выдающаяся личность своего времени, которая характеризовалась и характеризуется современниками и последующими исследователями как «лидер» епархиального духовенства второй половины 19 ст. настолько высокого уровня, что по отношению к нему употребляется эпитет «всесильный», а время его служения в Киеве (1860–1896 гг.) называется ни много, ни мало – «эпохой Лебединцева» и годами его «правления»⁴⁶.

Выдающееся положение о. Лебединцева выразилось, прежде всего, в том, что он был на протяжении 1860-х – 1890-х гг. первым помощником и советником киевских митрополитов (Филарета, Арсения и Платона) во всех делах, касающихся Киевской епархии. Будучи выходцем из среды местного духовенства, характеризующейся сильными семейными связями⁴⁷, и проведя здесь практически всю жизнь, Лебединцев был в курсе всех епархиальных дел, в большинстве которых его мнение было решающим. Подобных знаний местных особенностей не имели митрополиты – следуя принятой в империи практике их назначений, они постоянно меняли епархии, а заняв кафедру, подолгу отсутствовали, пребывая в Петербурге на заседаниях синода. Таким образом, очевидна их нужда в местных лидерах, подобных Лебединцеву, на которых они могли бы опереться⁴⁸.

о.Петр постепенно стал именно таким человеком в Киевской епархии. Ни один из процессов местной церковной жизни не проходил без его деятельнейшего и первенствующего участия. Кроме настоятельства в ведущих киевских храмах – при доме генерал-губернатора и кафедральном соборе, он был членом Киевской духовной консистории, благочинным, наблюдателем церковно-приходских школ, членом присутствий церковно-строительного и по обеспечению приходского духовенства, педагогического совета при консистории и епархиального училищного совета, членом комитета общественного здравия и епархиального попечительства о бедных духовного звания. Кроме того, возглавлял оба местных женских епархиальных училища и т.д. Он также был почетным членом общества Нестора-летописца, Одесского общества истории и древностей, действительным членом Киевской комиссии для рассмотрения давних актов, почетным профессором Киевского университета Св. Владимира и почетным членом церковно-исторического и церковно-археологического

обществ при Киевской духовной академии. о.Петр был одним из инициаторов создания и первым редактором «Киевских епархиальных ведомостей», активным автором «Руководства для сельских пастырей», «Трудов Киевской духовной академии» и «Киевской Старины»⁴⁹.

Естественно, что пройти подобный путь по силам лишь «человеку выдающихся дарований», как охарактеризовал о.Петра проф. Киевской духовной академии Ф.Титов. По его словам, «(...)это был человек глубокого оригинального ума. (...) решительного характера и сильной воли (...), невозмутимого спокойствия духа и непреклонной энергии. Наметив известную цель, он ровно и спокойно шел к достижению ее, на малые препятствия не обращал никакого внимания (...), а крупные удалял с дороги своею сильною рукою. (...) Ему было свойственно сознание собственного достоинства и превосходства, и потому он любил выдвигаться из окружающей среды с отважным самосознанием. Все те начинания, трудность осуществления которых устрашала всех других, имели для его духа, замечательно находчивого и изобретательного, тем сильнейшую привлекательность»⁵⁰. Добавим, что Петр Лебединцев выделялся даже среди своих талантливых братьев, вызывая их уважение и восхищение⁵¹, среди которых Арсений – кафедральный протоиерей Одессы, Даниил – в чине тайного советника в Петербурге, Феофан – основатель и редактор «Киевской Старины», Андрей – киевский протоиерей. Причем, все «имели высокие государственные награды, ценимы высшим епархиальным и губернским начальством»⁵².

Вот такой неординарной личностью был приходской священник, «быстро откликнувшийся» на распоряжение митрополита Исидора организацией 3 школ в своем благочинии. Хоть данное событие и приходится на начальный этап карьеры Петра Лебединцева, он уже в 1850-х гг. занимал исключительное положение в епархии.

В начале 1840-х гг., по окончании Киевской духовной академии, Петр Лебединцев, прекрасно зарекомендовав себя на должности преподавателя, помощника инспектора и секретаря правления Орловской духовной семинарии, был переведен на схожие должности в Киев. Безупречно проработав здесь более пяти лет и женившись, Лебединцев был в 1851 г. рукоположен Киевским митрополитом Филаретом в священники первоклассного прихода при Преображенском храме м. Белая Церковь. Данное назначение красноречиво говорит о том, что уже тогда о.Петр был на отличном счету у епархиального начальства - в подобные приходы, выделяемые с 1842 г. как образцово-показательные, назначались лучшие из лучших.

Заняв в Белой Церкви должность приходского священника, о.Петр, согласно своему статусу настоятеля единственного в епархии(!) первоклассного прихода и благочинного местных храмов, начал свою образцовую деятельность, выражающуюся, прежде всего, в добросовестном и инициативном выполнении распоряжений епархиального и центрального церковного начальства. Причем, благодаря личным качествам, с любой из поставленных задач он справлялся блестяще, постепенно приобретая все большую известность в кругах местной власти.

Так, например, с выходом распоряжения синода 1850 г. о составлении историко-статистического описания каждой епархии⁵³, основное внимание Лебединцева было направлено на изучение местной старины, особенно церковной, в чем священник немало преуспел. Его деятельность в этой области,

к слову не прекращавшаяся на протяжении всей жизни, заслужила высокую оценку современников. По словам Н.И.Костомарова, некоторые древние церковные постройки в Белой Церкви были спасены от грозившего им разрушения, благодаря только стараниям о.Лебединцева⁵⁴.

Вот еще один пример. Во время крестьянских волнений 1855 г., известных под названием «киевская казаччина», именно священник Лебединцев, был в числе трех наиболее доверенных особ (среди которых – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе и секретарь губернского правления) послан властью к крестьянам Васильковского, Каневского и Сквирского уездов с «увещательным словом». Высокие правительственные награды, полученные о.Петром по завершении данной миссии, говорят о её успешности. Как видим, Лебединцев был по достоинству оценен Васильчиковым еще задолго до открытия белоцерковских школ⁵⁵.

Из сказанного выше можно предположить, что открытие о.Петром в течение 2-х месяцев (ноябрь–декабрь 1859 г.) 3 церковных школ было вполне предсказуемой и ожидаемой властями реакцией образцово-показательного священника образцово-показательного прихода (повторим – единственного первоклассного в епархии) на распоряжение своего начальства. Это предположение подтверждается также и тем фактом, что, пребывая уже в течение 7 лет в должности благочинного приходов Белой Церкви, Лебединцев, несмотря на свое «давнее желание»⁵⁶, до этого времени не озаботился обучением крестьян, хотя на то были ранние правительственные распоряжения, означенные в нижеследующей таблице благоприятные обстоятельства, и, собственно, прецедент. Еще в 1840 г., во время очередной волны правительственного внимания к церковным школам для крестьянских детей, такая уже была организована прежним священником при белоцерковской Преображенской церкви⁵⁷. Но так как со временем интерес властей к этому делу угас, и консистория перестала требовать отчетность по школьному делу, данная школа с 1847 г. свернула свою деятельность.

В качестве последнего аргумента, подтверждающего показательность белоцерковских школ, приведем слова Феофана Лебединцева, который впоследствии так характеризовал развитие церковно-приходских школ в данный период: «(...) что доступно было одним, оказывалось не по силам многим другим (...) явились энергичные и умные пастыри, которые обставили школу хорошо и повели дело ученья умело и с жаром, но *большинство* (курсив – А.С.) не имело ни того, ни другого (...)»⁵⁸.

За доводами, раскрывающими объективные причины феномена белоцерковских школ, обратимся к сравнительному анализу местной обстановки, сопутствующей просветительской деятельности с одной стороны о. П. Лебединцева, а с другой – большинства сельских священников епархии в обозначенный период. Для иллюстрации заявленного «большинства» нами взяты отчеты благочинных о состоянии приходских школ в подведомственных им приходах за 1853 и 1859 гг., представленные в Киевскую духовную консисторию для передачи начальнику Дирекции училищ⁵⁹. На основании этих документов нами составлен перечень локальных обстоятельств, создающих, по словам приходских батюшек, основные трудности для успешной организации начального образования крестьян в помещичьих имениях. Трудностей, каковых в силу сложившихся обстоятельств или совсем не было у о.Петра, или же они были в значительной мере ослаблены⁶⁰. Рассмотрим этот вопрос с помощью таблицы.

Сложности, указанные в отчетах благочинных	Условия пастырского служения Петра Лебединцева
Распоряжение митрополита проводить обучение крестьянских детей в собственных домах членов причта не могло быть исполнено по причине отсутствия подобных домов во многих приходах.	В приходе Преображенской церкви, где служил о. Петр, у всех штатных причетников (2 священника, диакон, 2 дьячка, пономарь и просфорная) были отдельные служебные дома, построенные прихожанами.
Большие семьи священно и церковно-служителей (до 10 и более детей) не позволяли им вести обучение у себя дома.	Петр Лебединцев был вдовцом. Более того, вдовым был и священник, в доме которого была открыта первая школа.
Явное или опосредственное (через управляющих) активное и настоятельное противодействие помещиков (в подавляющем большинстве католиков-поляков) открытию школ для своих крепостных. Враждебное отношение польских вельмож и работников их экономий к подобной деятельности православных священников своих имений.	Белая Церковь была резиденцией польских магнатов Браницких, состоящих в родстве с представителями высшей российской аристократии и отличающихся с конца XVIII ст. лояльностью к российскому престолу. К тому времени покойная мать владельца, Александра Браницкая (урожденная Энгельгардт), на протяжении своей жизни патронировала православную церковь и крестьян своих имений. Граф Ксаверий Браницкий, в свою очередь, относился к священнику Лебединцеву с <i>большим почтением</i> и вместе с супругой без проблем поддерживал его начинание. А местные дворяне барон и баронесса Иксуль инициировали проведение благотворительного вечера в пользу церковных школ.
Отсутствие содействия местной администрации.	При явном неудовольствии поляка-управляющего имением, о. Петр получил поддержку, например, станового пристава, благодаря вмешательству которого не был сорван благотворительный вечер в пользу открывающихся школ.

Как видим, семейные обстоятельства Лебединцева, достойная материальная обеспеченность приходского клира Преображенской церкви, личность владельца имением являются собой не типичный случай для епархиального духовенства края конца 1850-х гг., а исключительное стечение обстоятельств. Данный факт, на наш взгляд, не был решающим в процессе выполнения

Лебединцевым распоряжения властей, но действенно облегчил задачу.

Таким образом, полагаем, что начало работы белоцерковских начальных школ для детей местных крепостных, открытых в ноябре-декабре 1859 г., было блестящим ответом на своеобразный «заказ» местных светской и церковной властей. Деятельность в этом направлении о.Лебединцева мы считаем в своем роде выдающейся, учитывая проявленные им энергичность, инициативность, настойчивость и большой талант убеждения, так необходимый пастырю. Старания о.Петра были высоко оценены епархиальной властью в лице нового митрополита Арсения (Москвина), забравшего Лебединцева в следующем, 1860 г., в Киев и сделавшего своим первым и доверительным помощником.

Заметим также, что Васильчиков и Исидор, довольно точно осведомленные об истинном положении в сельских приходах, ухватились за лебединцевские школы и использовали их в своих целях. Владыка, таким образом, продемонстрировал готовность и состоятельность подведомственного духовенства следовать правительственным указам, а генерал-губернатор, полагая использовать просветительскую деятельность духовенства в качестве средства пресечения польского влияния и усиления российского присутствия, указал на реальную возможность восполнить отсутствие материальных и профессиональных ресурсов.

Забегая вперед, отметим, что церковно-приходская школа в юго-западных губерниях пережила значительный подъем в 1860-х гг., связанный, кроме прочего, также с деятельностью митрополита Арсения и протоиерея Петра Лебединцева. Но просветительская деятельность клириков поддавалась серьезной и небезосновательной критике с светской стороны (от неё отказался и сам Васильчиков), и в конце 1860-начале 1870-х гг. пришла к сильному упадку – сельских священников так и не удалось превратить в педагогическое сословие. К подобным школам вернулись уже в начале 1880-х гг. в связи с деятельностью К. Победоносцева. Причины и ход развития и упадка церковно-приходского образования в 1860–1870-х гг. требуют в настоящее время основательного исследования.

¹ Данная статья является результатом исследования, проведенного в рамках подготовки к «Сарбеевским чтениям», на предыдущем заседании которых, мы уже обращали внимание на некоторые аспекты просветительской деятельности П.Г.Лебединцева.

² К.Ц.[Феофан Лебединцев] Движение народного образования в Юго-западном крае. // Киевская Старина. – 1884. – Т.9. – С.725–731. – С.729; Даниель Бовуа. «Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом і українськими масами (1831-1863 рр.)» – К., 1996. – С.115.

³ Даниель Бовуа. Указ. соч. – С.118–119.

⁴ Там же – С.81.

⁵ Шандра В.С. Мережа освітніх інституцій та модернізація функцій освіти в Правобережній Україні в 30-х рр. ХІХ ст. // Волинські Афіни. 1805–1833: Збірник наукових праць/Кременецькій обласний гуманітарно-педагогічний інститут ім. Тараса Шевченка; під ред. С.Маковського і В.Собчука. – Тернопіль, 2006. – С.63–74. – С.63.

⁶ ЦДИАК. – Ф.127. – Оп.998, – Д.6; Д.8; – Оп.661. – Д.766.

⁷ Там же. – Д.8. – Л.11,16,24,62–62об.; – Оп.661. – Д.766. – Л.9,68–69.

⁸ Там же. – Оп.1007. – Д.53. – Л.683, 737об. – 738, 343об. – 344.

⁹ Степаненко Г.В. Освітня діяльність православного духовенства в Україні (XIX – початок XX ст.) / Дис. канд. іст. наук. Інститут історії України НАН України. – К., 2002 р.

¹⁰ Булашев Г. Обзор деятельности по народному образованию Арсения (Москви-на), митрополита Киевского и Галицкого // Народное образование. 1894. Кн.4. – С.88–117. – С.97–98; Крижановський О.П., Плохий С.М. Історія Церкви та релігійної думки на Україні. У 3-х книгах. Кн. 3: кінець XVIII – середина XIX ст. – К., 1994. – С.233–234.

¹¹ Булашев Г. Обзор деятельности по народному образованию Арсения (Москви-на), митрополита Киевского и Галицкого // Народное образование. 1894. Кн.4. – С.88–117. – С.103–104.

¹² Булашев Г. Указ. соч. С.108; Ф.Титов, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петр Гаврилович Лебединцев (21 декабря 1819 – 3 декабря 1896) // Труды КДА. – 1897. – «1. – С.133–176. – С.146–147; В.Перерва. К.Плівачук. Село Буки. Минуле, сучасне, майбутнє. – Біла Церква. Видавець О.Пшонківський, 2008. – 272 с. – С.69–70.

¹³ Даніель Бовуа. «Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом і українськими масами (1831-1863 рр.)» – К., 1996; Шандра В.С. Мережа освітніх інституцій та модернізація функцій освіти в Правобережній Україні в 30-х рр. XIX ст. // Волинські Афіни. 1805–1833: Збірник наукових праць/Кременецькій обласний гуманітарно-педагогічний інститут ім. Тараса Шевченка; під ред. С.Маковського і В.Собчука. – Тернопіль, 2006. – С.63–74; Стельмах С.П. Політика самодержавія в області народного образования на Украине в 60–90-х гг. 19 в. Автореферат. К., 1991; Полищук Н.С. Начальное и среднее образование на Правобережной Украине в 60–90-х гг. 19 в. Автореферат. К., 1974.

¹⁴ К.Ц.[Феофан Лебединцев] Движение народного образования в Юго-западном крае. // Киевская Старина. – 1884. – Т.9. – С.725–731. – С.727–728.

¹⁵ А.Загоровский. Несколько данных и соображений по поводу писем Митрополита Арсения к протоиерею П.Г.Лебединцеву // КС. – 1901. – Т.73. – Кн.4 (апр.). – С.46–47.

¹⁶ Лебединцев П. Открытие первых школ в Киевской губернии // Киевские епархиальные ведомости. – 1864. – №12. – С.393–397.

¹⁷ Булашев Г. Указ. соч. – С.108.

¹⁸ Там же; Ф.Титов, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петр Гаврилович Лебединцев (21 декабря 1819 – 3 декабря 1896) // Труды КДА. – 1897. – №1. – С.133–176. – С.146–147; Історія Православної Церкви в 19 веку. Славянские Церкви. (Печатается по изданию: «История Христианской Церкви в 19 веке. Издание А.П.Лопухина. Том второй. Православный Восток. Петроград. Бесплатное приложение к журналу «Странник» за 1901 г.»). Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 1998. – С.647–648; Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – 2-е изд. – Спб.: Изд-во С-Петербур. ун-та; Петербургское Востоковедение. 2007. – 311 с. – С.47; В.Перерва. Історія шкільництва в містах і селах Київщини в XIX – на поч. XX ст. Біла Церква. – С.68.

¹⁹ В.Перерва. К.Плівачук. Село Буки. Минуле, сучасне, майбутнє. – Біла Церква. Видавець О.Пшонківський, 2008. – 272 с. – С.69–70.

²⁰ Стельмах С.П. Політика самодержавія в області народного образования на Украине в 60–90-х гг. 19 в. Автореферат. – К., 1991. – С.17–18; Полищук Н.С. Началь-

ное и среднее образование на Правобережной Украине в 60–90-х гг. 19 в. Автореферат. – К., 1974. – С.16–17.

²¹ *Даніель Бовуа*. «Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом і українськими масами (1831–1863 рр.)» – К., 1996.

²² *Сірополко С.* Історія освіти в Україні. – К., 2001. – С.108–111.

²³ *Даніель Бовуа*. Указ. соч. – С.74.

²⁴ Там же. – С.100.; *Сірополко С.* Історія освіти в Україні. – К., 2001. – С.326.; *Шандра В.С.* Мережа освітніх інституцій та модернізація функцій освіти в Правобережній Україні в 30-х рр. ХІХ ст. // Волинські Афіни. 1805–1833: Збірник наукових праць/Кременецькій обласний гуманітарно-педагогічний інститут ім. Тараса Шевченка; під ред. С.Маковського і В.Собчука. – Тернопіль, 2006. – Сс.63–74. – С.64–65.

²⁵ *Даніель Бовуа*. Указ. соч. – С.81, 83.

²⁶ ЦДІАК. – Ф.127. – Оп.998. – Д.8. Д.51-51об; – Оп.661. – Д.766.

²⁷ *Шандра В.С.* Указ. соч. – С.63.

²⁸ *Даніель Бовуа*. Указ. соч. – С.121.

²⁹ *Стельмах С.П.* Проекты и предложения И.И.Васильчикова 1860–1862 гг. по развитию народного образования на Украине. // Актуальные вопросы исторической науки: Материалы научно-практической конференции молодых историков. – К., 1990. – 258 с. – Сс. 54–61. – С.56; *Шандра В.С.* Генерал-губернаторства в Україні: ХІХ – початок ХХ ст. – К., 2005. – С.276.

³⁰ ИР ЦНБУ. – Ф.301. – №690(л). – Л.1683; *Стельмах С.П.* Проекты и предложения И.И.Васильчикова 1860–1862 гг. по развитию народного образования на Украине. // Актуальные вопросы исторической науки: Материалы научно-практической конференции молодых историков. – К., 1990. – 258 с. – С. 54–61. – С.56.

³¹ *Булашев Г.* Обзор деятельности по народному образованию Арсения (Москвина), митрополита Киевского и Галицкого // Народное образование. 1894. Кн.4. С.88–117. – С.103.

³² ИР ЦНБУ – Ф.301. – №690(л). – Л.1683.

³³ ИР ЦНБУ – Ф.301. – №690(л). – Л.1683.

³⁴ *Перерва В.* Відкриття церковно-парафіяльних шкіл у Київській єпархії (середина ХІХ ст.) // Проблеми гуманітарних наук. Наукові записки Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І.Я.Франка. Дорогобич, – 2000. Вип. 5. – С.116–129.

³⁵ <http://days.pravoslavie.ru>

³⁶ *Кондаков Ю.Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине 19 века. – Спб., 2003. – 360 с. – С.342.

³⁷ *Кондаков Ю.Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине 19 века. – Спб., 2003. – 360 с.

³⁸ ЦДІАК. – Ф.102. – Оп.661. – Д.766.

³⁹ ИР ЦНБУ им. Вернадского. – Ф.301. – №690(л). – Л.1683.

⁴⁰ ИР ЦНБУ им. Вернадского. – Ф.301. – №690(л). – Л.1683; *Булашев Г.* Обзор деятельности по народному образованию Арсения (Москвина), митрополита Киевского и Галицкого // Народное образование. 1894. Кн.4. С.88–117.

⁴¹ *Стельмах С.П.* Проекты и предложения И.И.Васильчикова 1860–1862 гг. по развитию народного образования на Украине. // Актуальные вопросы исторической науки: Материалы научно-практической конференции молодых историков. – К.: В над-загл. Киев. Ун-т. – 1990. – 258 с. – С.54-61. – С.61.

⁴² ЦДІАК. – Ф.442. – Оп.38. – Д.881. – Л.53.

⁴³ ИР. – Ф.301. – Л. 690(л). – Л. 1683.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ЦДИАК. – Ф.442. – Оп.809. – Д.53. – Ч.Ш. – Л.107–108.
- ⁴⁶ *Калініч Г.* Православне духовенство міста Києва наприкінці XIX - на початку XX ст.: зміни у соціально-професійній структурі // *Просемінарії. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури.* Вип. 7. К., 2008. С.326–364. – С.327–329, 341; *Ф.Титов*, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петро Гаврилович Лебединцев (21 грудня 1819 – 3 грудня 1896) // *Труди КДА.* – 1897. – №1. – С.133–176. – С.174–175.
- ⁴⁷ *Калініч Г.* Указ. соч. – С.332–333.
- ⁴⁸ Из переписки протоієрея Петра Гавриловича Лебединцева с митрополитом киевским Платоном. Подготовил свящ. И.Гордиевский. Его же предисловие. // *КС.* – 1902. – Т.79. – октябрь. – С.22–28.
- ⁴⁹ Моя стаття на первых сарбеевских.
- ⁵⁰ *Ф.Титов*, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петро Гаврилович Лебединцев (21 грудня 1819 – 3 грудня 1896) // *Труди КДА.* – 1897. – №1. – С.133–176.
- ⁵¹ ИР ЦНБУ. – Ф.154. – Д.65. – Л.5-5об; – Д.64. – Л.3об.
- ⁵² Мои воспоминания. Прот. А. Лебединцева. (отгиск из журнала «Киевская Старина»). – К., 1900. – 69 с. – С.7–8.
- ⁵³ История христианской церкви в 19 в.... – С.629.
- ⁵⁴ *Ф.Титов*, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петро Гаврилович Лебединцев (21 грудня 1819 – 3 грудня 1896) // *Труди КДА.* – 1897. – №1. – С.133–176.
- ⁵⁵ Там же. – С.149–150.
- ⁵⁶ Там же. – С.141.
- ⁵⁷ ЦДИАК. – Ф.127. – Оп.998. – Д.6. – Л.1.
- ⁵⁸ *К.Ц.* Указ. соч. – С.725–731.
- ⁵⁹ ДИАК. – Ф.127. Оп.998. – Д.8; – Оп.661. – Д.766.
- ⁶⁰ Данные об особенностях служения о. Лебединцева в Белой Церкви: ЦДИАК. – Ф.127. – Оп.1011. – Д.363. – Л.15–15 об.; *Ф.Титов*, свящ. Києво-Софійський кафедральний протоієрей Петро Гаврилович Лебединцев (21 грудня 1819 – 3 грудня 1896) // *Труди КДА.* – 1897. – №1. – С.133–176. – С.141–142; *Степанюшина О.* Господарство графів Браницьких на Київщині реформа 1861 р. в їхніх маєтках. – К., 1930. – С.122; *Перерва В.* Історія шкільництва в містах і селах Київщини. Біла Церква, 2008. – С.19.